

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА ПАЛЕОЭТНОГРАФИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

Т. Д. ЗЛАТКОВСКАЯ

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ВО ФРАКИИ ВО ВТОРОМ — ПЕРВОМ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯХ ДО Н. Э.

Одним из основных последствий этнических процессов, происходивших во Фракии во второй половине второго и в первом тысячелетиях до н. э., было формирование южной (в отличие от северной, карпатской) ветви фракийских племен.

Изучение этого отдаленного периода этнической истории Юго-Восточной Европы, насыщенного бурными событиями, представляет большой интерес не только само по себе, но и как один из исходных моментов этногенеза болгар и румын. При изучении этой проблемы наряду с целым рядом более существенных и хронологически более близких историко-этнических моментов (эллинизация, романизация, приход протоболгар, славян и др.) должно быть принято во внимание то существенное, на наш взгляд, обстоятельство, что все эти культурные влияния и волны народных переселений наслаивались на сложившиеся уже в древнейшие эпохи две (хотя и родственные, но различавшиеся по языку и культуре) группы автохтонного фракийского населения — северную и южную.

Настоящая работа, посвященная проблеме формирования южной ветви фракийских племен («собственно фракийцев», «исторических» фракийцев), ставит своей целью изучение письменных источников, связанных с этим вопросом, а также сопоставление сведений этих источников с имеющимися данными археологии и лингвистики.

Наиболее ранними из этих письменных источников являются поэмы Гомера, перизгесса Гекатея и «История» Геродота. Несмотря на то, что географические представления Гомера наивны и часто навеяны мифологическими сюжетами, они до некоторой степени соответствовали действительному положению дел во Фракии. Большинство ученых¹ придерживается того мнения, что поэмы Гомера отражают Фракию X—IX вв. до н. э., хотя некоторые эпизоды (II, X, 434 сл. — о судьбе фракийского царя Реса) являются позднейшей вставкой и относятся к VII—VI вв. Гомер неоднократно упоминает Фракию и фра-

¹ Хр. М. Данов, Към материалната култура на траките, през омирова епоха, «Исторически преглед», 1947, № 4, стр. 15—21; В. Бешевлиев, Гръцката колонизация на Беломорието в древността, «Беломорски преглед», I, 1942; U. Wilamowitz-Moelendorf, Ilias und Homer, Br., 1916, стр. 61; Paulys Real-Encyclopädie der klassischen Altertums wissenschaft. (R. E.), XI, 1014; W. Schmid, O. Stählin, Geschichte der griechischen Literatur, т. II, München, 1929, стр. 151, прим. 5.

кийцев, сражающихся на стороне троянцев. Он упоминает гору Афон (II., XIV, 229), «высочайшие вершины снежных гор быстроконных фракийцев» (II., XIV, 220—229), реки Аксий и Пеней (II., II, 848; XVI, 288), города фракийцев Исмар (Od., IX, 196), Сест (II., II, 835), Энос (II., IV, 520), Кабес (II., XIII, 363). Однако по этим упоминаниям трудно определить границы воспетой Гомером Фракии, так как эти пункты не всегда названы фракийскими или находящимися во Фракии и так как их вообще слишком мало для того, чтобы установить хотя бы пограничные области. Однако, что касается северной границы Фракии по Гомеру, то мы располагаем некоторыми данными для суждения. Области к северу от Стара Планина (Балканские горы) Гомер знал, ибо постоянно упоминает соседей фракийцев — кочевые племена, населявшие области около нижнего течения Дуная². Однако эти земли он к Фракии не причисляет, а считает населенными отличными от фракийцев мизийскими племенами: «Он (Зевс. — Т. З.) назад (т. е. от земли троянцев. — Т. З.) обратил свои блестящие глаза, вглядываясь вдаль на земли фракийцев — укротителей коней и на землю мизийцев, сражающихся врукопашную» (II., XIII, 3). Очевидно, в представлении греков, отразившемся в гомеровском эпосе, фракийцы и мизийцы — различные племена, так же как различны земли, занимаемые этими племенами. Уже в античное время Страбон (VII, 3, 2 и I, 1, 10) обратил внимание на это интересное место из Илиады, вполне обоснованно утверждая, что Гомер имел здесь в виду мизийцев, живущих подле Истра.

Приведенные выше соображения дают некоторые основания предполагать, что северные границы Фракии, описанной в поэмах Гомера, не простирались до Дуная и, вероятно, проходили по Стара Планине. Такое предположение о представлении о северных границах Фракии у греков гомеровской и архаической эпох становится более обоснованным после разбора текста второго нашего источника — Гекатея.

Житель Милета, одного из крупнейших греческих городов Малой Азии, Гекатей как бы впитал стремление к посещению дальних стран и народов, характерное для греческого мира эпохи великой колонизации. Даты жизни его точно не установлены, но все исследователи сходятся на том, что он жил в пределах 560—480 гг. до н. э.³ Его по праву можно назвать древнейшим этнографом, так как, несмотря на фрагментарность его труда, дошедшего до нас в изложении и выдержках более поздних исследователей (главным образом Стефана Византийского — VI в. н. э.), круг интересов этого ученого ясен. Хотя в древности границы между географией, историей и этнографией были мало ощутимы, у Гекатея интерес именно к этнографическому описанию проявляется особенно четко⁴. В центре его исследований — племена и народы, населявшие современный ему мир. Сведения Гекатея о Фракии очень детальны и касаются не только прибрежной полосы, но и мест, лежащих в глубине страны. Его авторитет в вопросах этнической географии Фракии в эпоху античности и в раннем средневековье был настолько велик, что Стефан Византийский, писавший свой труд более

² Г. Кацаров, Тракия и Омировия эпос, «Известия на българското историческо дружество», XI—XII, 1931—32, стр. 125, прим. 1; Хр. М. Данов, Към историческия облик на древна Тракия, «Годишник на Софийския Университет, историко-филологически факултет», кн. LX, София, 1943—44, стр. 4—5.

³ G. Nenci, Hecataei Milesii Fragmenta, Firenze, 1954, стр. X; F. Jacoby, Hecataios, R. E., VII, 2669—2670.

⁴ M. Nitsch, Die Entdeckung von Europa durch die Griechen, Basel, 1945, стр. 33—34.

чем через тысячу лет и располагавший богатейшей античной традицией, пользовался для описания Фракии сведениями Гекатея в большей мере, чем каким-либо иным источником⁵.

Вопрос о времени, которое нашло отражение в отрывках Гекатея о Фракии, довольно сложен. Думается, нет достаточных оснований для утверждения о том, что оно должно быть ограничено только периодом жизни Гекатея, т. е. VI веком до н. э. Можно говорить лишь, что некоторые отрывки Европейской перигетессы (вернее, один из них — fr. 166 о персидской колонии Борюксе) отражают Фракию конца VI в. до н. э. В целом же источник сведений Гекатея о Фракии следует, как нам кажется, отнести к более раннему периоду, чем время его жизни. Может быть, его следует связать с VII веком до н. э. В конце VIII—VII вв. до н. э. на юге Фракии, по побережью Эгейского моря и особенно на Халкидике, возникло множество греческих городов-колоний, и знакомство греков с южнофракийскими областями, о которых так много сведений дает Гекатей, было весьма интенсивным. Колонизация этого побережья проводилась главным образом ионийскими греками⁶, и знания о Фракии, отраженные в труде Гекатея Милетского, возможно, были почерпнуты в эту раннюю пору греческой колонизации.

Это предположение находит подтверждение в нескольких моментах. Во-первых, Маронея у Гекатея названа городом киконов (fr. 152), между тем, как известно, еще в VII в. этот город был захвачен греками с острова Хиоса. В связи с этим сведения Гекатея о Маронее следует отнести ко времени до захвата этого города греками, т. е. ко времени не позже VII в. до н. э. Во-вторых, если принять во внимание *argumentum ex silentio*, то нельзя ли полное отсутствие упоминаний у Гекатея западнопонтийских греческих городов считать свидетельством того, что они еще не были основаны и относить в связи с этим источники Гекатея о Фракии к эпохе до их основания, т. е. к первой половине VII в. до н. э.⁷ Следует, в-третьих, обратить внимание и на то, что Геродот в ряде мест, посвященных Фракии, как бы полемизирует с каким-то источником, который сообщал о давно минувших временах. Так, например (VII, 123), перечисляя города, которые миновал флот Ксеркса близ Фермейского залива, он замечает: «Страна эта и до сих пор называется Кроссей». Это выражение «и до сих пор» — безусловное свидетельство знакомства Геродота с очень древним источником. Там же Геродот сообщает, что нынешний полуостров Паллена прежде назывался Флегрою; и здесь современность противопоставляется более древнему времени. Весьма правдоподобно считать, что эта полемика относится к тексту Гекатея и свидетельствует о значительном разрыве во времени между тем и другим источником.

Уже отмечалось⁸, что северной границей Фракии, по Гекатею, служат, очевидно, горы Гем (Стара Планина); земли же, лежащие между этими горами и рекой Дунаем, он фракийскими не считает. Обычно,

⁵ Перечисляя фракийские племена, Стефан Византийский десять раз называет Гекатея источником своих знаний, тогда как на всех остальных историков он ссылается лишь четыре раза. С очевидностью доказано также, что и в тех случаях, когда Стефан не указывал своего источника, он часто пользовался сведениями, почерпнутыми из Гекатея (M. Her mann, *Hekataios des mutmassliche geographische Quelle Herodots in seiner Beschreibung des Xerxuszuges*, «Klio», XI, 1911, стр. 382—384).

⁶ В. Бешевлиев, Указ. раб., стр. 166 и указанная в сн. 7 литература; D. Lazaridis, *Fouilles dans la région du Pangée*, в сб. «VIIIe Congrès international d'archéologie classique», Paris, 3—13 septembre, 1963, стр. 101—103.

⁷ Т. В. Блаватская, *Западно-Понтийские города в VII—I вв. до н. э.*, М., 1952, стр. 22—27.

⁸ F. Jacoby, *Hekataios*, R. E., VII, 2715—2716.

называя какие-либо из племен, Гекатей указывает их этническую принадлежность. Так, множество племен, локализуемых между Гемом и Эгейским морем, он называет «фракийскими племенами» или «племенами Фракии». Племена же, живущие к северу от Гема, между этими горами и р. Истром, он к фракийским не причисляет (Гекатей называет здесь кробизов и теризов); он просто указывает их географическое положение, а не этническую принадлежность (fr. 170). Это же можно сказать и о географических категориях (горах, областях, городах), лежащих к северу от Гема, которые Гекатей также к Фракии не причисляет (fr. 168, 169, 172).

Объяснение сведений Гомера и Гекатея о северной границе Фракии следует, как нам представляется, искать в древнейших периодах истории фракийцев и связать с проблемой их происхождения.

Еще в конце прошлого столетия крупный языковед и историк В. Томашек, оставивший одно из лучших исследований фракийских племен⁹ и впервые занимавшийся проблемами фракийского языка, выдвинул теорию происхождения фракийцев. Этническая стратиграфия восточной части Балканского полуострова в ней изложена следующим образом. Земли к югу от Дуная, между этой рекой и Эгейским морем, были издревле заселены фракийскими племенами, относящимися к мизийско-фригийской группе. Другая группа фракийских племен (гето-дакийская) обитала первоначально в Карпатских горах, которые были родиной фракийского народа. Обе эти группы фракийских племен были связаны единством происхождения; их языки, хотя и не совсем идентичные, также были генетически связаны между собой. Когда со временем Карпатские области стали тесны гето-дакам, они поднялись, перешли Нижне-Дунайскую равнину и обрушились со всей силой следующих одна за другой волн на родственные мизийско-фригийские (прафракийские) племена. В дальнейшем они их частично ассимилировали, частично оттеснили на юг, за Гем и южнее к Эгейскому морю и в западную часть Малой Азии. Следы этих переселений сохранились как в топонимике (Мизия и Дардания в Малой Азии и в Европе и др.), так и в прочной античной литературной традиции (Hrd., VII, 73; VIII, 138; Strab., VII, 3, 2).

Несмотря на то, что после Томашека в конце XIX и в первой половине XX в. было написано несколько работ, иначе трактующих эти же вопросы¹⁰, именно теория Томашека, основанная на небольшом еще в его время лингвистическом и источниковедческом материалах, нашла подтверждение в появившихся в последнее время крупных лингвистических исследованиях, посвященных изучению фракийского языка, и дополнивших и частично исправивших ее¹¹.

Современные лингвисты в общем сходятся на теории, которая изложена В. Георгиевым. Она сводится к тому, что язык «исторических» фракийцев, дошедший до нас в отдельных надписях античного времени, написанных греческим алфавитом, образовался из смешения двух различных, но генетически близких между собою языков — дакогетского и прафракийского (мизийско-фригийского). Язык историче-

⁹ W. Tomaschek, Die alten Thraker, «Sitzungsberichte der Wiener Akademie. Phil.-hist. Klasse», тт. CXXVIII, CXXX, CXXXI, 1893/94.

¹⁰ P. Kretschmer, Einleitung in die Geschichte der Griechischen Sprache, Göttingen, 1896, стр. 220 и сл.; Ed. Meyer, Geschichte des Altertums, т. I, ч. 2, стр. 613; Г. И. Кацаров, Ролята на траките в предисторията и протосторията на Балканския полуостров, «IV отчет на Българ. арх. Институт», 1926; В. Миков, Предисторически селища и находки, София, 1933, стр. 88 и 96.

¹¹ Д. Дечев, Характеристика на тракийския език, София, 1952; D. Detschew, Die thrakische Sprache, Wien, 1957; В. Георгиев, Тракийският език, София, 1957.

ских фракийцев донес до нас следы того периода, когда на территории Болгарии существовали две ветви фракийских племен: более древняя — прафракийская и более поздняя — гето-дакийская.

Следы прафракийского языка заметны в восточной части Балканского полуострова в пределах южной Болгарии, турецкой и греческой Фракии, и имена *Θραξες* и *Θραξία* связаны с этими же областями. Следы гето-дакийского языка относятся к пределам современной Румынии, северо-западной Болгарии и северо-восточной Югославии. Соответственно имена *Δραχοι* и *Δαχία* относятся к территории Румынии, а *Μυσοι* и *Μυσία* — к придунайской (к югу от Дуная) области в пределах римской провинции Мёзии. Такому делению соответствует фракийская топонимика: на землях южной Болгарии названия древних фракийских поселений имеют окончания — *-bria*, а на землях северной Болгарии — окончание *-dava* (*-para*). Имена поселений с окончанием *-dava* очень широко распространены также и к северу от Дуная. Таким образом, и топонимика сохранила следы пребывания древнего фракийского пласта (имена поселений с окончанием *-bria*) и более нового — гето-дакийского (имена поселений с окончанием *-dava*).

Археологические исследования, итог которым подводит Ив. Венедиков¹², приводят к тем же заключениям. С середины второго тысячелетия на землях от Нижнего Дуная до Эгейского моря и от Черного моря до Македонии заметны две различные области материальной культуры: одна — более развитая, для которой характерно распространение захоронений в долменах; охватывающая юго-восток полуострова (собственно Фракию); другая — с более низким уровнем развития, охватывающая северо-запад полуострова (западную Фракию и почти всю Мёзию).

Рассмотренные выше данные гомеровского эпоса и Гекатея, дающие основания полагать, что древняя историография не считала фракийскими земли между Гемом и Истром (Дунаем), следует поставить в связь с лингвистическими и археологическими данными о распространении в середине второго тысячелетия волны новых насельников восточной части Балканского полуострова — гето-дакийских племен, двинувшихся к югу из-за Дуная. Этническое и культурное отличие этих новых племен от более ранних еще было совершенно очевидным и греческая историография X—VII вв. до н. э., отраженная в поэмах Гомера и (более четко) у Гекатея, его ясно ощущала¹³.

Вероятно, в описываемое время племена ранней прафракийской группы были вытеснены или ассимилированы лишь на территории между Гемом и Истром. К югу от этих земель они еще продолжали свое самостоятельное существование. Почти все фракийские племена, упоминаемые у Гекатея (он называет 12 племен Фракии: бантов, дасиев, дасилов, даутелептов, дисоров, киконов, ксантов, сатров, сатрокентов, синдонов, трисплов, эвтрибов), могут быть связаны с этим древним южнофракийским субстратом. Список их гораздо полнее, чем у Гомера, который помимо собирательного «фракийцы» (какие именно

¹² Ив. Венедиков, *Происход на траките, «Езиковедско-етнографски изследованиа в памет на акад. Стоян Романски»*, София, 1960.

¹³ В эпоху, значительно более позднюю, в римское время, здесь были созданы, как известно, две провинции — Фракия и Мёзия (вернее Верхняя и Нижняя Мёзия), границей между которыми были, грубо говоря, горы Гем (см. Б. Геров, *Северната граница на провинция Тракия*, «Известия на Българския археологически институт» (ИБАИ), XVII, 1950, стр. 11—29 и указанная там литература), что, правда, объяснялось в то время уже не только этническими различиями, но и политическими соображениями.

из фракийских племен входили в это понятие, сказать трудно) называет только кикон и синтлев, отражая, конечно, лишь очень неполно племенной состав Фракии, что объясняется более слабой осведомленностью греков X—IX вв. до н. э. об этой стране, нежели во времена источников Гекатея.

Третий наш источник — Геродот. Все исследователи, одни в большей (Хр. М. Данов¹⁴), другие в меньшей (Ф. Якоби¹⁵) мере, подчеркивают оригинальность сведений Геродота о Фракии, основанных на собственных наблюдениях (ὄψις), расспросах местных жителей, знакомстве с местной традицией. Это относится прежде всего к его известиям о восточной части Фракии, описанной в связи со скифским походом Дария (IV, 89—98) и его полководца Мегабаза (V, 1—10). Сведения о восточной Фракии Геродот почерпнул во время своего путешествия из г. Византия в Ольвию, когда он останавливался в Аполлонии, совершил сухопутную четырех- или пятидневную поездку к истокам р. Теар, а затем к г. Герайону на Пропонтиде. Такое мнение ученых основано на ряде указаний в тексте Геродота о сведениях, которые он получал от эллинов, живущих по берегам Геллеспонта и Понта (IV, 95), от самих фракийцев (V, 9; V, 10) или же на ссылках историка на свои собственные наблюдения во Фракии (V, 3; V, 9) и, наконец, на указаниях о пребывании Геродота в Аполлонии, Тире, Ольвии и о расстояниях между Аполлонией и истоками р. Теара, а также между этими последними и Герайоном.

Есть достаточно оснований для утверждения о том, что Геродот сам был хорошо знаком не только с восточной, но и с южной Фракией. Он посетил города Сест, Мадит на Геллеспонте (VII, 33; IX, 120), был на островах Самофракии (II, 51) и Фасосе (VI, 47; VII, 118), а также в городах Аканфе, Потидее и Терме на Халкидике и в городе пеонов Сирисе на озере Прасиас (совр. Бутковское) — таков итинерарий Геродота по южной Фракии, с достаточной аргументацией составленный Ф. Якоби¹⁶. Хр. М. Данов правильно указывает, что из Халкидики историк мог предпринять краткое путешествие и во внутреннюю страну¹⁷. Эти данные свидетельствуют о личной осведомленности Геродота о Фракии. Конечно, они не могут служить доказательством отсутствия другой информации. Безусловно, она была, так как столь обширные сведения невозможно почерпнуть только из личных наблюдений.

В современной историографии, главным образом немецкой, уделялось большое место изучению влияния Гекатея на Геродота¹⁸ вообще

¹⁴ Хр. М. Данов, *Херодот, като извор за историята на Тракия, Македония, Пеония и Западно Черноморие*, «Годишник на Софийския Университет, историко-филологически факултет», кн. XXXII, София, 1936, стр. 15—16, 19, 23—26; его же, *Из древната икономическа история на Западно Черноморие до установяването на римското владичество*, ИБАИ, XII, 1939, стр. 192; его же, *Към историческия облик на древна Тракия*, стр. 19, 21.

¹⁵ F. Jacoby, R. E. Herodotos.

¹⁶ F. Jacoby, Herodotos.

¹⁷ Хр. М. Данов, *Херодот, като извор из историята на Тракия, Пеония и Западно Черноморие*, стр. 19.

¹⁸ H. Diels, Herodotos und Hekataios, «Hermes», XXII, 1887, стр. 411—444; C. F. Lehmann-Haupt, Zu Herodot und Hekataios, «Festschrift für H. Kiepert», Berlin, 1898; M. Hermann, Hekataios als mutmassliche geographische Quelle Herodots in seiner Beschreibung des Xerxeszuges, «Klio», XI, 1911, стр. 382—384; V. Heinenberg, Zu Herodot, «Klio», XVI, 1920, стр. 318—331; L. Pearson, Herodotus and the Source of the Danube, «Classical Philology», XXIX, 1934, стр. 324—337; F. Jacoby, Hekataios, VII, 2713 сл.; Хр. М. Данов, *Херодот като извор за историята на Тракия, Пеония и Западно Черноморие*, стр. 17—18.

и, в частности, на сведения Геродота о Фракии. Однако знакомство с этими работами убеждает лишь в том, что при описании похода Ксеркса через южную Фракию в отдельных (и очень немногочисленных случаях) Геродот использовал перизгессу Гекатея¹⁹.

Однако в целом его труд представляет, на наш взгляд, оригинальное исследование Фракии, отличающееся от трудов предшественников как в деталях, так и в существенных моментах. Различия эти, как нам представляется, отразили те изменения, которые произошли в этнической истории Фракии в период, отделяющий время гекатеевой информации от времени путешествия Геродота по Фракии, когда он собрал сведения, записанные в его «Истории».

Эти расхождения касаются прежде всего затронутой проблемы о северной границе распространения фракийских племен.

Этническая карта Фракии, которую можно составить на основании труда Геродота, существенно отлична от той, которую мы пытались в общих чертах обрисовать, основываясь на свидетельствах более ранних авторов. В отличие от этих последних, Геродот определенно причисляет к фракийским племена, живущие к северу от Гема. Среди них прежде всего геты, которых Геродот при всех упоминаниях называет фракийцами²⁰. Фракийцами называет Геродот и кробизов (IV, 49: Θρηίκων τῶν κροβίζων), которых Гекатей, как указывалось, к фракийским племенам не причислял. Очевидно, земли между Гемом и р. Истром ко времени Геродота уже входили в понятие Фракии и считались населенными фракийцами. Впрочем, во времена Геродота это нельзя еще утверждать безоговорочно. Почти всегда, и тогда, когда он говорит о гетах, и тогда, когда сообщает о кробизах, чувствуется, что эти племена, хотя уже и считаются фракийскими, но еще существенно отличаются от «остальных фракийцев» (V, 6: Τῶν δὲ δὴ ἄλλων Θρηίκων). Действительно, Геродот говорит, что фракийский народ (Θρηίκων δὲ ἔθνος) имеет совершенно одинаковые нравы и обычаи (V, 3), но тут же добавляет: «за исключением гетов» (πλὴν Γετῶν) (IV, 94—96). В этой же связи следует упомянуть и то, что «земли кробизов» и «Фракия» для Геродота не часть и целое, а скорее различные понятия. К такому выводу можно прийти в связи с тем, что, описывая р. Истр и его притоки, Геродот употребляет выражение «через Фракию и земли кробизов» (IV, 49: διὰ δὲ Θρηίκης καὶ Θρηίκων τῶν Κροβίζων). Таким образом, в тексте Геродота еще явно слышен отзвук тех времен, когда Гем был северной границей Фракии. Лишь более поздняя античная традиция (Skymn., 751; Ptolem., III, 10, 9; Athen., XII, 536 d; Anon. Periopl. Pont. Eux., p. 13) безоговорочно причисляет кробизов к фракийским племенам.

В целом же включение Геродотом в понятие Фракии земель между Гемом и Истром отражало реальный процесс этнической консолидации двух родственных групп фракийских племен: более древней собственно фракийской и пришедшей сюда позднее — гето-дакийской, и воз-

¹⁹ Совпадения сведений Гекатея и Геродота тщательно подобраны Якоби (см. «Hecataios», 12713), который суммировал все, что было высказано до него по этому вопросу. Совпадения эти отмечаются в трех случаях (fr. 299 и VII, 59; fr. 151 и VII, 59; fr. 163 и VII, 124), из которых о заимствовании можно говорить лишь в последнем случае, первые же два могут объясняться правильной, но независимой одна от другой информацией. Хотя вообще мысль Якоби о том, что Геродот при описании похода Ксеркса, носящего характер голого географического перечня, использовал какую-то перизгессу, кажется нам правильной.

²⁰ Herodot., IV, 93: «За те геты, из фракийцев наиболее мужественные и справедливые, оказали сопротивление, но быстро были покорены», V, 3.

никновение на землях от Истра до Эгейского моря фракийцев, засвидетельствованных исторической традицией. В более позднее время, как об этом можно судить на основании археологических материалов, этот процесс включения гетов в южнофракийский этно-культурный круг усиливается. Д. Берчиу — автор весьма содержательного исследования «Являются ли геты северодунайскими фракийцами»²¹ — на чисто археологическом материале прослеживает судьбы гетских племен в позднегалльское время. Он приходит к выводу, что в этот период (Фаза «Д», охватывающая приблизительно 550—350 гг. до н. э.) все более углубляется процесс дифференциации между гетами и северодунайскими фракийцами (т. е. карпатскими дако-фракийцами) и что гетские территории прочно входят в этот период в южнофракийское культурное единство.

Пути, по которым шел процесс слияния двух групп фракийцев, разнообразны и, конечно, далеко не все из них могут быть учтены и поняты. Однако нам хотелось бы отметить один из них, связанный с поглощением прафракийцев племенами гето-дакийской группы. Выше мы перечисляли племена Фракии, упомянутые Гекатеем. Чрезвычайно интересно то обстоятельство, что половина из них (бантии, дасилы, дисоры, ксанты, синдоны, трисплы) дальнейшей античной традиции неизвестны, хотя знакомство греков, а затем римлян с Фракией со временем возрастало, а когда Фракия вошла в состав Римской империи, провинциальная администрация детально знала этнический состав населения этой провинции. Отсутствие упоминаний «гекатеевых» фракийских племен в сравнительно богатой более поздней античной традиции о Фракии и фракийцах вернее всего следует объяснить исчезновением их как самостоятельной этнической категории. Интересно в этой связи проследить судьбу раннефракийского племени киконов. О нем сообщает Гомер, который упоминает среди союзников Трои «копьеборцев бесстрашных киконов» (II, II, 846) и вкладывает в уста Одиссея рассказ о разграблении его спутниками богатого города киконов Исмара и о последующем истреблении их киконами (Od., IX, 39—61); к этому же событию возвращается Гомер еще раз, упоминая «золотой сладкий напиток», добытый ахейцами при разграблении города киконов (Od., IX, 164—165). И для Гекатея киконы — реально существующее племя: он называет два города этого племени — Маронею и Зону. Геродот тоже упоминает киконов (VII, 59, 108, 111), однако совершенно очевидно, что в его время это племя уже не существовало, и о его пребывании во Фракии, между устьем Гебра и Бистонским озером, сохранилось лишь историческое предание: «В древности эта полоса земли принадлежала киконам» (VII, 59). Более поздние авторы киконов не упоминают. Небезынтересно в этой же связи исчезновение из античной традиции и другого упомянутого Гекатеем (fr. 176) племени — дасилов. О его судьбе было бы невозможно что бы то ни было сказать, если бы не след, на который наводят нас несколько надписей, поставленных в римское время в честь солдат римских вспомогательных войск и частных лиц, имя которых или имя их отцов было Dansala²². Как видно, племенной этникон сохранялся в именах фракийцев, пред-

²¹ D. Berciu, *Sînt Geții Traci Nord-Dunăreni?*, «Studii și cercetări de istorie veche», XI, 2, 1960, стр. 261—280. Приношу глубокую благодарность М. Я. Салманович за квалифицированный перевод этой статьи.

²² Corpus inscriptionum latinarum CIL), 13, 8308: T. Flavius, Bussus Mucalae f. Dansala eq. alae Noricoru(m); CIL, 13, 7050: C. Tutius Manii f. Dans(ala) eq. ex coh. [III] Thac; CIL, 13, 7049: Sese Lenulae f. D[ans]ala mil. ex coh. [IIII] Thracum; K a l i n k a, *Antike Denkmäler in Bulgarien*, 408: Dense[el]la Drulent[is] — Bitus Ep[prii?] coningi posuit.

ки которых принадлежали к племени дасилов. Во всяком случае, латинские надписи сохранили доказательство того, что племя дасилов не ушло из Фракии и не было полностью истреблено (потомки этого племени служат во фракийских когортах, набиравшихся, как известно, во Фракии среди фракийцев), а скорее всего было ассимилировано.

Таким образом, сравнение сведений Гомера, Гекатея, с одной стороны, и Геродота — с другой, приводит нас к выводам о существенных изменениях в этнической карте Фракии.

Античная традиция вполне согласуется с данными лингвистики и археологии о возникновении южнофракийской группы племен. Эти племена, ставшие одним из этнических компонентов при формировании в более поздние исторические эпохи болгар, сложились в результате смешения древних аборигенов — прафракийцев с пришедшими сюда позднее (с середины второго тысячелетия до н. э.) с севера родственными им гето-дакийцами. Завершение этого процесса, как мы стремились показать, произошло ранее на землях, лежащих к югу от Стара Планина, где античная традиция X—VII вв. до н. э. (Гомер, Гекатей) уже фиксирует фракийские племена. К северу от этих гор до Дуная слияние вновь пришедших племен с аборигенами было не столь полным и произошло позже, оно отмечено лишь со времени Геродота (V в. до н. э.).

Изучаемая эпоха интересна в двух отношениях. С одной стороны — возникновением двух — дакийской (северной) и фракийской (южной) группы племен, культура и язык каждой из которых имели свои особенности. С другой же стороны — как бы двойным родством этих исторически сложившихся двух групп: первоначальным, связанным с исходным родством гето-даков и прафракийцев, и вторичным, связанным со смешением первых со вторыми на землях от Дуная до Эгейского моря в период формирования «исторических» фракийцев.

SUMMARY

In the present article dealing with the problem of the formation of the southern Thracian tribes (the Thracians proper, or «historical» Thracians), the author makes a study of the writer sources pertaining to this problem, and compares the information given by these sources with archeological and linguistic data.

The epics of Homer which reflect the level of development in Thrace mainly in the 10th-9th centuries B. C., and the «Περὶ οὗτος Γης» of Hecateus, based on sources describing Thrace in the 7th century B. C., bear witness to the fact that in the 10th-7th centuries B. C. the northern boundary of Thrace ran along Stara Planina (the Balkan Mountains); the territory between these mountains and the Danube was not considered Thracian. This information should be compared with linguistic and archeological data showing that the territory between the Danube and the Aegean Sea was inhabited by ancient proto-Thracian (Mysian-Phrygian) tribes which, beginning with the middle of the 2nd millennium B. C. began to feel from the north the pressure of the kindred tribes of Getae and Daci. The latter partly drove the proto-Thracians into Asia Minor, and partly intermixed with them. This process of assimilation which resulted in the formation of Thracian tribes proper, was more intensive in the southeastern part of the Balkan Peninsula which, on the evidence of Homer and Hecataeus, was inhabited by Thracian tribes as early as in the 10th-7th centuries B. C. In the area between Stara Planina and the Danube, this process presumably manifested itself at a later period — by the time of Herodotus (5th century B. C.); Herodotus was the first to refer to this territory as Thracian.

Linguistic data showing that the language of the historical Thracians emerged as a result of the mixing of two different but genetically related languages — of Getae-Daci and Mysian-Phrygian — are in full accord with literary tradition and archeological materials.